

DOI 10.25991/AE.2019.68.35.014
УДК 82–32

О. Е. Этингоф

Этингоф Ольга Евгеньевна — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств при Российской Академии художеств, etinhof@mail.ru

ЗНАКОМСТВО М. А. БУЛГАКОВА И Б. Е. ЭТИНГОФА (ДИСПУТ О А. С. ПУШКИНЕ)*

В статье рассматриваются факты общения М. А. Булгакова с Б. Е. Этингофом. Автор статьи подробно останавливается на событиях 1920 года, времени, когда М. А. Булгаков находился на Кавказе и некоторое время сотрудничал в газете «Кавказ». История с диспутом о творчестве А. С. Пушкина, в котором принимали участие советские писатели той поры, выявляет подробности исторических обстоятельств, приведших к увольнению Булгакова из газеты. Автор работы проясняет позицию Булгакова по отношению к творческому наследию Пушкина и — как результат — выявляет отношения между собратьями по перу, находившимися в этот период на Кавказе.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, Б. Е. Этингоф, А. С. Пушкин, гражданская позиция, наследие классической русской литературы

О. Е. Etingof

ACQUAINTANCE OF M.A. BULGAKOV AND B.E. ETINGOF (DEBATE ABOUT A.S. PUSHKIN)

The article considers the facts of communication between M. A. Bulgakov and B. E. Etingof. The author of the article dwells in detail on the events of 1920, the time when M. A. Bulgakov was in the Caucasus and for some time collaborated in the newspaper “Caucasus”. The story of the dispute about the work of A. S. Pushkin, which was attended by Soviet writers of the time, reveals the details of the historical circumstances that led to the dismissal of Bulgakov from the newspaper. The author of the work clarifies the position of Bulgakov in relation to the creative heritage of Pushkin and — as a result — reveals the relationship between fellow writers who were in this period in the Caucasus.

Keywords: M. A. Bulgakov, B. E. Etingof, A. S. Pushkin, civic position, heritage of classical Russian literature

Как известно, с февраля 1920 г. М. А. Булгаков оставил врачебную практику и начал сотрудничать в белой газете «Кавказ». Согласно Д. А. Гирееву, Булгаков подал рапорт о том, что по состоянию здоровья не может продолжать службу в армии [3, с. 60]. Именно в этот период Б. Е. Этингоф (скорее всего) и пересекался с писателем, преимущественно по делам службы, но и в творческих дискуссиях.

Борис Евгеньевич Этингоф (1887–1958) — профессиональный революционер, член партии с сентября 1903 г., участник революции 1905 г. Вел нелегальную партийную работу в Вильно и Варшаве, Могилеве, Могилевской губернии, в Выборге, Териоки и Тифлисе, подвергался преследованиям со стороны царского правительства — сидел в тюрьмах, неоднократно был в ссылках, некоторое время скрывался в Германии. С 1910 по 1914 г. был студентом вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета, давал уроки и постоянно сотрудничал в энциклопедии «Брокгауз и Эфрон».

В годы Первой мировой войны Б. Е. Этингоф «зачислился на работу на фронте в качестве заведующего врачебным пунктом, а затем контролера Кавказского Комитета Союза Городов» [32]. При этом он выполнял задания партии по пропаганде среди солдат в войсках на турецком (в Западной

Армении) и персидском фронтах, где познакомился и сблизился с С. М. Городецким. (Б. Е. Этингоф послужил прототипом для образа большевика и фельдшера Цивеса в романе Городецкого «Алый смерч»). В 1917 г. после Февральской революции Б. Е. Этингоф вошел в состав Тифлисского районного комитета партии, был избран в Тифлисскую городскую думу и работал членом редколлегии газеты «Кавказский рабочий». В 1918 — начале 1919 гг.(?) он был членом Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемией сыпного тифа [33]. В тот период он жил во Владикавказе с семьей, женой и дочерью, которых отослал в Тифлис в машине по Военно-Грузинской дороге, когда стало очевидно, что отступление большевиков из города неминуемо. В феврале 1919 г. (после того как нарком просвещения Терской республики Я. Л. Маркус был убит денкидцами) Б. Е. Этингоф исполнял его функции и принимал участие в обороне города [51]. 1919 год, Северный Кавказ, противостояние большевиков и денкинцев — именно тот период, когда М. А. Булгаков и Б. Е. Этингоф сталкивались на Кавказе, в том числе на фронте. Особенного внимания заслуживает следующий эпизод их общения.

Итак, в июне-июле 1920 г. на протяжении трех вечеров во Владикавказе состоялся диспут

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00374 «М.А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова»

о А. С. Пушкине. Этот эпизод описан исследователями творчества М. А. Булгакова, но представляется целесообразным привести некоторые материалы, расширяющие наши представления о нем. Отношение к поэту и его творчеству в контексте революционных преобразований Терской области было неоднозначным. В городе с XIX в. сохранился мемориал поэта, который в 1829 г. останавливался в крепости. Его именем в 1899 г., к 100-летию юбилею, был назван сквер, разбитый на том самом месте. Название мемориального сквера поэта сохранялось и при большевиках: «В воскресенье 11 июля <...> похороны товарища Бутырина <...> Похороны состоятся в Пушкинском сквере» [10].

Примечательно, что Терская ЧК расположилась во Владикавказе в здании на углу Лорис-Меликовской и Воронцовской улиц, непосредственно примыкавшем к этому скверу. Кроме того, в 1903 г. на Тифлисской улице была открыта Пушкинская начальная приходская школа (Третье мужское училище), над входом которой был установлен бюст поэта. Решение о ее открытии было принято также в канун 100-летия со дня рождения поэта.

Стихи А. С. Пушкина откровенно перефразировались пролетарскими поэтами города в их революционной риторике, в частности, Хаджи Муратом Мугуевым (25.04.20):

Пусть мы погибнем, в этом счастье,
на смерть идем мы, как на пир,
Ведь на обломках самовластья
Родился пролетарский мир... [21]

На одном из первых концертов-митингов, устроенном во Владикавказе для красноармейцев 20.04.20, местный поэт и писатель К. А. Гатуев произнес речь, пафос которой заключался в том, что Пушкин воплощал собой наследие старой культуры, и его надо отвоевать у эксплуататоров:

«Освобождение искусства <...> Захватывая материальные плоды побед человеческого разума, капиталисты захватывали в свои руки и плоды его духовных побед — литературу, живопись, театр, архитектуру, музыку, все, что мы называем искусством <...> Своими они сделали Пушкина, Лермонтова, Брюсова и даже нашего пролетарского поэта Горького <...> Отныне искусство делается достоянием всех трудящихся <...>» [15].

Здесь уместно дать справку о личности К. А. Гатуева. Дзахо (Константин Алексеевич) Гатуев (1892–1938) — осетинский писатель, историк Северного Кавказа, революционный и общественный деятель, потомственный интеллигент, сын священника и осетинского просветителя А. Г. Гатуева. Наибольшей известностью пользуется его книга о черенском абреке З. Гушмазукаеве «Зелимхан», впервые изданная в 1926 г. Репрессирован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г.

К классическому наследию К. А. Гатуев обращался неоднократно: «Т. Гатуев в своей речи под-

черкнул громадную роль искусства в нынешнем пролетарском движении, сравнил искусство с тем певцом, которого греки послали к осаждавшим Трою отрядам и который должен был звать героев к новым подвигам. Таково пролетарское искусство, которое, по утверждению внеклассового общества, должно стать всечеловеческим» [6].

Тем самым диспуты о литературной классике, прежде всего о Пушкине, должны были расставить точки над «i» в идеологической позиции красной власти. Объявления по поводу пушкинского диспута появлялись в газете «Коммунист»:

«Сегодня, 13 июня, цехом Поэтов и Терроста в “Доме артиста” (б. летний театр в городском саду) устраивается второй вечер пролетарского творчества <...> 2) Доклад о творчестве Пушкина (творчество Пушкина с революционной точки зрения). 3) Прения. В литературной беседе принимают участие т. т. Астахов, Гамза и Этингhoff <...>» [13].

Или:

«Во вторник, 22-го июня, в “Доме артиста” (Городской сад, б. летний театр) цехом поэтов и Терроста устраивается очередной третий вечер творчества <...> Во 2 отд. доклад тов. Астахова: “Пушкин и его творчество с революционной точки зрения”. Содокладчики т. т. Гамза и Этингhoff <...>» [17]

Третий вечер, посвященный Пушкину, был сначала назначен на 29.06.20: «Оппоненты о творчестве Пушкина. В литагите Терроста принимается запись оппонентов по докладу т. т. Астахова и Гамзы о творчестве Пушкина. Прения по докладу будут в 5-м вечере творчества, имеющем быть во вторник 29 июня» [20].

«Сегодня в 9 часов вечера в “Доме артиста” пятый вечер творчества. Оппонентом о Пушкине выступает литератор Булгаков» [22].

Затем вечер был перенесен на 01.07.20:

«Сегодня в 9 часов вечера в “Доме артиста” Терроста и цехом поэтов устраивается литературный диспут. В программе — прения по докладу “Пушкин и его творчество с революционной точки зрения”. Принимают участие т. т. Астахов (докладчик), т. Булгаков, Беме (оппоненты) и др.» [9].

Состоялся вечер только 03.07.20 и в другом помещении:

«Сегодня в 9 часов вечера в б. кинем. “Гигант” состоится литературный диспут по докладу “Пушкин и его творчество с революционной точки зрения”. В прениях принимают участие т. т. Астахов (докладчик), Булгаков, Беме (оппоненты) и др.» [23].

Большая часть этих объявлений хорошо известна, они публиковались Г. С. Файманом. Однако булгаковеды, кажется, не обращали внимания на присутствие в них имени Б. Е. Этингhoffа. В анонсах о третьем вечере эта фамилия уже не значилась, т. е. и присутствие его не планировалось [9; 14; 20; 22;

23]. Возможно, он был занят и раньше. В последние июньские дни проходил съезд заведующих отделами народного образования, а затем он отбыл в командировку по области. Одно удостоверение для поездки «по делам службы» датируется 25.06.20 [46]. Второе, более подробное, выдано 28.06.20:

«Дано сие заведывающему областным отделом народного образования Терского обривкома Б. Е. Этингоф в том, что он командировается со своими инструкторами по всем округам Терской области. Всем окружным и местным ревкомам предлагается оказывать ему полное содействие, предоставляя в его распоряжение перевозочные средства и все необходимое по его требованию. Вагон, находящийся в его распоряжении, не подлежит отчуждению и должен быть прицепляем вне очереди по его требованию. Тов. Этингоф разрешается пользоваться прямым проводом внеочередной подачи телеграмм <...>» [46].

Еще одно удостоверение, выданное в тот же день, свидетельствует, что он командировается «по всем городам области по его усмотрению» [46].

Дальше появлялись сообщения в газете «Коммунист»: «2 июля. Поездка т. Этингофа. Заведующий отделом народного образования т. Этингоф выехал с несколькими работниками об. Отдела наробраза для ознакомления с работами отделов на местах и инструктирования их в дальнейшей работе» [14].

«7 июля. Поездка т. Этингофа. Заведующий отделом наробраза т. Этингоф прислал из Моздока телеграмму, в которой просит прислать труппу для развозов по области и постановки спектаклей в удаленных от городов селениях и аулах. Т. Этингоф предполагает присоединиться к группой к агитпоезду» [26].

Командировка продолжалась вплоть до 18.07.20: «Возвратившись сего числа из служебной поездки по области, вступил в исполнение своих обязанностей. Ивану Тимофеевичу Повсянко предлагаю вступить в исполнение прямых своих обязанностей. Заведывающий Отнаробразом Обривкома Этингоф» [16].

Два первых заседания пушкинского диспута проходили в Летнем театре в городском парке Трек. Это также имело прямое отношение к деятельности Б. Е. Этингофа во Владикавказе: еще в 1918 г. он периодически реквизирует Трек для мероприятий наробраза. А в 1920 г. не только Летний театр, но и весь Трек полностью переходит в ведение наробраза и получает соответствующее название:

«Приказ № 1621 апреля 1920 г. <...> § 1. Согласно распоряжению Председателя владикавказского ревкома т. Мордовцева, сад владикавказского спортивного общества “Трек” переходит в ведение подотдела дошкольного воспитания с переименовани-

ем его в Сад отдела народного образования ревкома <...> § 3 Товарищ Соколов Тихон Александрович назначается заведующим садом отдела народного образования ревкома с 20-го апреля <...> Заведующий отделом Этингоф <...>» [30].

«На Треке каждый день от 6 до 8 ч. вечера будет играть симфонический оркестр подотдела искусств» [18].

Летний театр в Треке, превращенный в Дом артиста, не сохранился.

Последнее, третье, и решающее заседание пушкинского диспута происходило на Александровском проспекте в кинотеатре «Гигант», преобразованном в оперный театр, это помещение использовалось и для многих мероприятий, в которых принимал участие М. А. Булгаков. Здание сохранилось до наших дней.

Доклад Г. А. Астахова на первом вечере диспута, опубликованный заблаговременно, 10.06.20, ставил своей целью прояснить идеологическую и классовую позицию по отношению к Пушкину и доказать реакционность классика и его ненужность пролетарской культуре:

«Классовый характер русской литературы XIX в. <...> Наши враги цепляются за обломки разрушенного корабля. Они пытаются теперь доказать внеклассовость искусства <...> помещичий дух, дух царизма, которым пропитаны <...> произведения Пушкина и его школы, которых наши либералы любят выставлять революционерами <...> Появилась категория встревоженных помещиков, которые пытались давать народу благие советы. К их числу принадлежал Пушкин. Некоторые простаки заподозрили его в революционности, но она сводилась лишь к желанию некоторых поблажек народу “по манию царя” <...> Старое искусство умерло <...> Нам остается лишь пожелать, чтобы всеокрушающий смерч революции как можно скорей потопил эти “обесмысленные щепки” отжившего мира и вынес на свет те необъятные силы, которые долгие века томились “на дне” под давящим гнетом феодализма <...> И мы со спокойным сердцем бросаем в революционный огонь его полное собрание сочинений, уповая на то, что если там есть крупинки золота, то они не сгорят в общем костре с хламом, а останутся» [11].

В «Белой гвардии» пророчество Булгакова о крушении Турбинского дома явно было отзвуком заключительного пассажа Г. А. Астахова: «<...> Капитанскую Дочку сожгут в печи...»

М. А. Булгаков был оппонентом Г. А. Астахова и выступал апологетом великого русского поэта. Кульминацией диспута было второе заседание в Треке 22.06.20, когда позиции обеих сторон уже были отчетливо обозначены. Некоторые новые детали, дающие представление о выступлении Булгакова содержатся в последней публикации романа «Столовая гора», в котором Астахов был основным прототипом героя Ю. Л. Слезкина, Авалова:

«Товарищ Авалов <...> доказал как дважды два четыре, что Пушкин отъявленный контрреволюционер. Достаточно того, что он был камер-юнкером! Все его произведения проникнуты затхлым духом крепостничества. Он типичный представитель своей среды <...> Все восхищены Алексеем Васильевичем — эти буржуазные барышни, учителя, члены рабиса <...> — Нет, вы только подумайте. Как он великолепно кончил, — раздается в темноте четкий актерский голос. — Он ударил в самую точку, крыть после этого было нечем. Он сказал: “В моей памяти запечатлелся навеки замечательный миг. Один из первых дней революции. Тысячные толпы двигались по улицам Москвы и над ними реяли красные знамена. И вот два людских потока столкнулись — один льющийся по Тверской, другой по Страстному бульвару. Они замедлили свой ход и остановились. Кто-то вскочил на подножье Пушкинского памятника и взмахнул алым полотнищем. Толпа замерла — над ней стоял, склонив обнаженную голову, лучезарный поэт — Пушкин, и мне послышались его чеканные, полные революционного подъема слова:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!».

Черт возьми! Разве можно лучше закончить свою речь! В самую точку, в самую точку! — А главное, не придерешься, — ехидно добавляет кто-то» [44, с. 35, 37].

Уже в день завершающего заседания диспута, а также и после него в газете «Коммунист» появились публикации, отразившие реакцию на выступления М. А. Булгакова и Б. Р. Беме, жестко выражавшие пролетарскую классовую идеологию [23]. Вероятно, такая пропаганда имела вполне конкретный смысл в связи с подготовкой выборов в местные Советы (до которых оставалось меньше месяца), и в связи с продолжающейся гражданской войной. 09.07.20 была опубликована статья «Несколько слов о союзе “Сорабис”», которая перекликается с пассажем Ю. Л. Слезкина, хотя диспут в ней прямо не упомянут:

«К великому сожалению, наша интеллигенция еще до сих пор не может смириться с действительностью нашего времени, выжидая кого-то, лавирует, как это делают так назыв. носители культуры — “Сорабис”. Прикрываясь занавеской внеклассовой позиции искусства, они устраиваются при всякой обстановке будь это Деникинская власть или другая. Нам все равно, так обычно заявляют артисты и другие работники искусства <...> Приходится констатировать факт, что очень немногие из них сумели так быстро ориентироваться в окружающей их обстановке, огромное большинство этой категории работники стали на мертвой точке. Выжидая кого-то, в тиши бунтуя, они выносят какие-то туманные резолюции об отправке их, куда им выгоднее, но конечно не трудящимся <...> Наивные люди! Неужели вы думаете, что ваше маленькое правление или

даже вы в целом сумеете вернуть былое прошлое, как это многим из вас хотелось бы. Ведь подумайте! Что в сравнении с могущественным правлением рабочих и крестьян великой Советской России ваше правление “букашка”, которых рабочий под своим башмаком насчитывает сотнями. Как ни тяжело для вас, но вы должны твердо запомнить, что старому возврата нет!» [28]

Другая, хорошо известная, статья была напечатана на следующий день, она явилась прямым идеологическим и политическим ответом оппонентам Г. А. Астахова и Гамзы:

«Покушение с негодными средствами. Волк в овечьей шкуре. Русская буржуазия, не сумев убедить рабочих языком оружия, вынуждена попытаться завоевать их оружием языка; объективно такой попыткой использовать “легальные возможности” является выступление гг. Булгакова и Беме на диспуте о Пушкине. Казалось бы, что общего с революцией у покойного поэта и у этих господ. Однако именно они и именно Пушкина как революционера и явились защищать <...> буржуазии и ее идеологам есть, что замазывать. Понятно поэтому, почему гг. оппоненты не объяснили, как это могло случиться, что интернационалист и революционер Пушкин (уже не говоря о призыве к своим соплеменникам помочь восставшим против царя полякам), почему это он, не только не помолился Богу, чтобы он вооружил поляков, но даже не выразил пожеланий, чтобы поляки были освобождены от царя, ну хотя бы “по манию царя” же <...> Нет, господа хорошие что написано пером, — не вырубшь топором, и <...> не замазать того, что “революционер”, воспевающий царских генералов, палачей, не нашел ни одного слова для призыва угнетенных против угнетателей. Пушкин имеет свою громадную историческую ценность и заслугу в русской литературе, и стремление людей выдавать этого в высшей степени умеренного человека за революционера <...> открывает только классовую природу защитников его революционности. Она только лишний раз подтверждает, что как бы ни были честны идеологи явно недобросовестного класса, они вынуждены для пропаганды своих идей, прибегать к недобросовестным приемам» [10].

В досье Г. А. Астахова, который был репрессирован в 1940 г. уже как крупный советский дипломат, подшиты строфы из стихотворения К. Юста о владикавказском цехе поэтов и пушкинском диспуте:

Громил Булгакова наш Цех со всею силой,
Свершилась наша казнь.
Сожжен лакейский Пушкин.
Пусть воет Слезкин.
Пусть скулит БеМе... [50, с. 413]

В. Шенталинский полагает, что «БеМе» относится к М. А. Булгакову, но оба апологета Пушкина на диспуте были обозначены как «Ни Бе, ни Ме» и автором приведенной статьи из газеты «Коммунист». Тем самым «БеМе» у К. Юста, скорее, могло

относиться именно к Б. Р. Беме, поскольку имя Булгакова упомянуто выше.

Ю. Л. Слезкин описал пушкинский диспут и в публицистическом письме по горячим следам событий:

«Вообще, как это ни странно, Владикавказ весьма “футуристичен” во всех областях своей жизни. <...> Устраиваются диспуты, где поносятся Пушкин как “буржуазный”, “контрреволюционный” писатель; цех пролетарских поэтов демонстрирует своих сочленов с произведениями, похожими на битый щебень <...> Молодой беллетрист М. Булгаков “имел гражданское мужество” выступить оппонентом, но на другой день в “Коммунисте” его обвинили чуть ли не в контрреволюционности <...> Видные “пролетарские поэты”, (среди которых, кстати, нет ни одного рабочего), если бы они знали, что теперь в самом центре Советской России о Пушкине и говорят, и пишут, но отнюдь не с такой резвостью мыслей» [42, с. 14; 43, с. 202–203].

По поводу «футуристичности» и пролетарской ориентации местных поэтов и самого Г. А. Астахова можно добавить следующее. В том же досье Астахова сохранилось его стихотворение под названием «ВЧК», посвященное тов. Петерсу и написанное в Москве в октябре 1918 г., он по памяти записал его уже в тюрьме:

В ночной тиши среди Лубянки
Через туман издалека
Кровавым светом блещут склянки,
Алеют буквы: ВЧК.
В них сила сдержанного гнева,
В них мощь раскованной души,
В них жуть сурового напева:
“В борьбе все средства хороши!”
Чарует взор немая сила,
Что льют три алых огонька,
Что массы к битве вдохновила,
Чем власть Советская крепка.
К чему сомненья и тревога?
К чему унынье и тоска?
Когда горит спокойно, строго
Кровавый вензель: ВЧК [1, с. 5; 45, с. 11; 50, с. 415–416].

Возможно, это стихотворение было конкретным импульсом для пассажира М. А. Булгакова из «Записок на манжетах»:

«Косвенно входил смелый, с орлиным лицом и огромным револьвером на поясе. Он первый свое напоенное чернилами перо вонзил с размаху в сердце недорезанных, шлявшихся по старой памяти на трэк — в бывшее летнее собрание. Под неумолчный гул мутного Терека он проклял сирень и грянул:

Довольно пели вам луну и чайку!
Я вам спою чрезвычайку!!»

Примечательно, что в газете «Кавказская коммуна» 14.07.20 появилось еще одно поэтическое сочинение аналогичного содержания без подписи:

При советском же правительстве
Рай настал для бедняка,
А буржуи местожительство
Получили ... в ОБЧЕКА! [8]

До сих пор булгаковеды не проявляли интереса к личности Гамзы, принимавшего участие в диспуте о А. С. Пушкине. Гамза — уполномоченный Военно-революционного совета X-й армии [34; 35; 36]. Назначение во Владикавказ он получил в начале мая:

«Уполномоченному Реввоенсовета X тов. Гамза. Армавир 3 мая 1920 г. Предлагаем немедленно по окончании съезда прибыть Реввоенсовет 10 г. Владикавказ для получения ответственного назначения точка» [38].

Назначен Гамза был 05.06.20 сначала заместителем начальника политотдела или политического комиссара (поарма) X Терской армии:

«Прошу вашего заключения: не встречается ли препятствий назначению поармом Соколова Николая, помощником Гамза <...>» [37].

Затем он упоминается как поарм:

«Считаю, что Гамза как человек, хорошо знакомый с местными условиями, пользующийся здесь популярностью и обладающий более солидным марксистским багажом <...> явится более подходящим кандидатом на должность начпоарма 10» [40].

Однако уже 21.06.20 была назначена комиссия по проверке дел политотдела, Гамза все еще назван начальником, но дела без отстранения его от должности принимал следующий кандидат [39]. Политотдел X армии официально просуществовал вплоть до начала июля:

«Секретно. Приказ войскам Кавказского фронта. 27 июня 1920 года. § 1. Политотдел 10 расформировать с 1 июля 1920 года <...> § 3. Ликвидационной комиссии закончить свои работы 3 июля» [41].

Гамза многократно выступал на митингах и вечерах пролетарского творчества, которые превратились в цикл. Примечательно, что в объявлениях о первом вечере, который состоялся 06.06.20, дважды сообщалось, что докладчиком будет Б. Е. Этингоф, но в действительности состоялось выступление Гамзы:

«В воскресенье во 2-м Советском оперном театре (бывш. Гигант) состоится первый вечер пролетарского творчества. Вступительные слова: 1) “О пролетарском творчестве” скажет тов. Этингоф и 2) “О буржуазном творчестве” скажет тов. Астахов» [24].

«В воскресенье во 2-м Советском театре состоялся вечер пролетарских поэтов, устроенный Терск. Отд. Кавроста <...> С докладом “О буржуазном творчестве” выступил т. Астахов, доклад которого мы приводим особо. После этого выступает экспромтом т. Гамза. Основным тезисом доклада т.

Гамзы является также известная фраза Карла Маркса “бытие определяет сознание”. И исходя из этого положения, тов. Гамза обрисовывает все последовательные этапы, которые прошло искусство, начиная от фараоновских времен, когда пирамиды, выстроенные в Египте, указывали на твердую несокрушимую власть фараонов, угнетавших своей силой необъятную землю, и до наших современников, когда русское искусство стало изживать себя <...> Революция пришла, сметая на пути все старое, изжитое и сгнившее» [11].

«Пролетарское искусство. Лекция о футуризме. Сегодня в 9 часов вечера в клубе имени Свердлова (Лорис-Меликовская, № 29) состоится лекция замначпоарма Х тов. Гамза на тему: “футуризм» [12].

22.05.20 Б. Е. Этингоф издал приказ о проведении в Треке мероприятий с участием армейского политотдела:

«Приказ № 90 § 3 Сад “Трек” один раз в неделю предоставляется для бесплатных концертов-митингов, организуемых совместно с силами Ревкома и Политического отдела 10-й армии. Этингоф <...>» [29]

Это означает, что армейский политотдел и лично политический комиссар или его зам. играли в области весьма значительную роль в условиях гражданской войны, а наробраз Терского областного ревкома и его зав. Б. Е. Этингоф не только должны были с ним считаться, но и зависели от него. Выше говорилось, что представители этого политотдела входили и в издательскую коллегию. Как мы видели, к ноябрю политотдел добился подчинения наробраза. Тем самым классовая и политическая направленность пушкинского диспута, вероятно, была продиктована не столько молодым поэтом Г. А. Астаховым, уже отстраненным от газеты «Коммунист», сколько именно Гамзой. Активность армейского политотдела во Владикавказе отразилась и в творчестве местных поэтов, у Л. Беридзе в том же стихотворении «Исполкомы, Че-ка...» читаем:

Среди площади Кино-Поарма
Собирает желающих всех,
Однотонная прежде казарма
Тоже верит в улыбки и смех...

Б. Е. Этингоф по своим собственным взглядам не имел никакого отношения к ниспровергателям классики. По свидетельству Н. Б. Этингоф, «как я теперь понимаю, у моего отца были консервативные взгляды, как в изобразительном, так и в театральном искусстве... Нечего говорить о всяких левых художниках, типа Татлина или Малевича, их он считал, чуть ли не шарлатанами. И в театре, любя Художественный и отдавая должное Малому <...> он не переносил Мейерхольда <...>» [52, с. 99].

Вынужденно связанный с антиклассической пролеткультовской пропагандой и футуристами, несомненно, он сочувствовал Булгакову, поэтому

и допустил его выступление на диспуте. Однако точка зрения Булгакова противостояла не просто конкретным выступавшим оппонентам, но идеологической и политической позиции, последовательно внедрявшейся властью, не только гражданской, но и армейской.

Как помним, Слезкин и Булгаков поочередно были уволены из подотдела искусств, заведение которым было поручено Г. С. Евангулову [3, с. 96, 136, прим. 23]. Известный документ от 28.05.20 с просьбой прислать списки осетин, желающих заниматься в драматической студии, направленный в Осетинский отдел наробраза, подписан улгаковым «За заведывающий Под. Отделом искусств», причем «За» написано от руки самим Булгаковым, как и пометка «В. Срочно» [49]. Можно было бы предполагать, что Булгаков временно заменил отсутствующего по каким-то причинам Слезкина, однако уже 31.05.20 повторное обращение в тот же Осетинский отдел наробраза в качестве зав. подотделом искусств подписал Г. С. Евангулов [49]. В газете «Коммунист» от 10 и 11.06.20 Г. С. Евангулов упомянут в том же качестве [11]. В списке ответственных работников наробраза от 12.06.20 Г. С. Евангулов также значится заведующим подотделом искусств, М. А. Булгаков — заведующим театральной секцией, а Ю. Л. Слезкин больше не упомянут [47].

В «Записках на манжетах» читаем: «Что это за проклятый город Тифлис! Второй приехал! В бронзовом воротничке <...> Беллетриста Слезкина выгнали к черту. Несмотря на то, что у него всероссийское имя и беременная жена. А этот сел на его место. Вот тебе и изо, мизо...»

Сын Ю. Л. Слезкина, Лев Юрьевич, родился 17.06.20. Это значит, что Ю. Л. Слезкина уволили раньше, судя по документам, подписанным Булгаковым и Евангуловым, уже в конце мая. Ю. Л. Слезкин в своем романе отмечает: «Завподотделом <...> — армянин, поэт, приехавший из Тифлиса, друг Завобнаробразом <...>» [44, с. 31].

Впоследствии Ю. Л. Слезкин писал в своем дневнике об отношении М. А. Булгакова уже в Москве к обладателю бронзового воротничка — Г. С. Евангулову: «Вспоминал Кавказ со скрежетом зубовным, ненавидел Евангулова» [31].

Поскольку Этингоф долго жил и работал в Тифлисе в качестве журналиста, вполне правдоподобно, что Евангулов был его протеже. Евангулов принадлежал к той же поэтической среде Тифлиса, в которой вращался и С. М. Городецкий, связанный с Б. Е. Этингофом с дореволюционных времен. Этингоф был хорошо знаком с литераторами и поэтами, жившими в Тифлисе или приезжавшими туда, что подтверждается и его ремаркой в адрес молодого О. Э. Мандельштама, которую вспоминает Н. Б. Этингоф: «О Мандельштаме в Тифлисе говорят: “поэт”, — такой кривляка! Правда, стихотворение написал симпатичное: “Мне Тифлис горбатый снится...”»

Назначение Г. С. Евангулова совпало с обновлением владикавказских кадров, осуществленным

благодаря коммунистам из Тифлиса. Как отмечает Н. Ф. Бугай, «в июне 1920 года Терский областной ревком, окружные советские и партийные органы были пополнены группой коммунистов, прибывших из Грузии, что в известной степени облегчало положение с кадрами в области. На Терек прибыло 33 коммуниста, занявшие ответственные посты в советских учреждениях» [2, с. 49].

В частности, среди прибывших грузинских коммунистов в списке от 09.06.20 значится Л. Думбадзе, старый товарищ Б. Е. Этингофа [48]. Однако деятельность Ю. Л. Слезкина в рамках подотдела не прекратилась: уже 24.07.20 в «Коммунисте» появилось объявление, где сообщается:

«Открыта и уже приступает к занятиям народная драматическая студия. В состав преподавателей приглашены <...> Слезкин (ист. иск.) и Г. Евангулов (ист. театра)» [19].

Увольнение Булгакова и Слезкина соответствовало идеологической ситуации: искоренению буржуазного элемента из подотдела и репрессиям против социально чуждых элементов, о чем говорится в романе Слезкина: «Подотдел не высказывает достаточной пролетарской твердости — таково непоколебимое мнение комячейки. — Нужно убрать буржуазный элемент и ввести железную дисциплину» [44, с. 31].

Булгаков, вероятно, был уволен вскоре после диспута о А. С. Пушкине. В «Записках на манжетах» читаем: «Все было хорошо. Все было отлично. И вот пропал из-за Пушкина, Александра Сергеевича, царствие ему небесное!..»

Ю. Л. Слезкин имел в виду Г. С. Евангулова в эпизоде, где Авалов говорит Алексею Васильевичу о его увольнении. Значит, на него же писатель возлагает и ответственность за это увольнение: «Они дураки, они ничего не понимают. Этот армянский поэт и его публика <...> Ваш зав. испугался — отсюда ваше увольнение. Он дурак» [44, с. 54].

Возможно, что Булгаков не случайно назван «бывшим литератором» в статье о пушкинском диспуте в газете «Коммунист» от 03.07.20. В этой формулировке могло содержаться указание на уже готовое решение о его увольнении. Писатель снова болел после диспута, о чем сообщал в письме к К. П. Булгакову от 01.02.21: «Потом летом опять хворал» [5, с. 272].

Политика, результатом которой явились эти увольнения, имела вполне определенные причины. Вместе с тем, будучи уволены из подотдела, и Ю. Л. Слезкин, и М. А. Булгаков продолжали выступать на его литературных вечерах и принимать участие в других мероприятиях. В частности, сохранилась афиша вечера, состоявшегося 25.08.20, на котором выступали и Ю. Л. Слезкин, и М. А. Булгаков:

«Подотдел искусств, 2-й Советский театр “Гигант” среди 25 августа Живого журнала искусства и литературы “Карусель” (Выход № 1-го). Содержание:

От редакции — скажет Г. Евангулов
Беллетристика “Фонарь в переулке” — рассказ Юрия Слезкина.

Стихи — К. Гатуева, Г. Евангулова, Рюрика Иванова и Н. Шуклина

Статьи Литературные итоги М. Булгакова
Библиография Новая книга Маяковского — Г. Евангулов

Хроника искусств — М. Булгакова
Редакционная коллегия Г. Евангулов, Ю. Слезкин, Г. Шуклин, выпускающий номер И. Казаров
Начало в 9½ часов вечера.
Билеты в кассе театра» [4].

Будучи зав. Наробраза Терского ревкома, членом редколлегии газеты «Коммунист» и издательской коллегии, а также назначенным Уполномоченным коллегии Наркомпроса на Кавказе (?), Б. Е. Этингоф не мог оградить сотрудников подотдела искусств ни от газетной компании провинциальных пролеткультовцев, ни от жесткого идеологического прессинга, ни от увольнений. Власть Этингофа во Владикавказе была ограничена и кратковременна.

М. А. Булгаков к тому же, по-видимому, был уволен в июле, когда Б. Е. Этингоф был в командировке по области. Вернувшись во Владикавказ 18.07.20, он был занят участием в областной конференции РКП (б) 25.07.20, затем подготовкой съезда Советов, его проведением, а сразу после закрытия съезда покинул город — спешил в Москву. Б. Е. Этингоф не смог противостоять давлению армейских чинов и нежеланию гражданской власти отвечать за бывших белогвардейцев, работавших в штате Наробраза. Однако в любом случае не только на Г. С. Евангулове, но и на нем как на зав. Наробразом лежала ответственность за увольнение М. А. Булгакова, отстаивавшего ценность пушкинского наследия. Возможно, что Б. Е. Этингоф не проявил достаточной смелости и твердости в борьбе за него. Надо полагать, что с точки зрения Булгакова он в некотором роде «умыл руки» в этой ситуации.

Таким образом, М. А. Булгаков и Б. Е. Этингоф, по-видимому, познакомились во Владикавказе в начале апреля (?) 1920 г., Б. Е. Этингоф был непосредственным начальником писателя в отделе народного образования Терского ревкома, сотрудничество их продлилось недолго: с апреля по июль 1920 г. Это достоверно, документировано и не вызывает сомнений.

Литература

1. Алая нефть: сборник стихов. Г. Астахов, С. Городецкий, М. Запрудный, А. Крученых, К. Юст. Баку: Азцентропечать, 1920. 48 с.
2. Бугай Н. Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа (1919–1920) / под ред. [и с предисл.] Х. И. Хутуева; Кабард. — Балкар. ин-т истории, филологии и философии;

- Кабард. — Балкар. ин-т истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР. Нальчик: Эльбрус, 1977. 156 с.
3. Гиреев Д. Михаил Булгаков на берегах Терека. Документальная повесть. Орджоникидзе: Ир, 1980. С. 60.
 4. ГЛМ, ф. 372, оп. 1, д. 374. Фотокопия. Оригинал в НИОР РГБ.
 5. Земская Е. А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. 360 с.
 6. Известия... 1920. 3 апреля, № 9.
 7. Кавказская коммуна. 1920. 10 июля, № 73.
 8. Кавказская коммуна. 1920. 14 июля, № 76.
 9. Коммунист. 1920. 1 июля, № 70.
 10. Коммунист. 1920. 10 июля, № 78.
 11. Коммунист. 1920. 10 июня, № 52.
 12. Коммунист. 1920. 11 июня, № 53.
 13. Коммунист. 1920. 13 июня, № 55.
 14. Коммунист. 1920. 2 июля, № 71.
 15. Коммунист. 1920. 20 апреля, № 10.
 16. Коммунист. 1920. 20 июля, № 86.
 17. Коммунист. 1920. 20 июня, № 62.
 18. Коммунист. 1920. 21 мая, № 36.
 19. Коммунист. 1920. 24 июля, № 90.
 20. Коммунист. 1920. 24 июня, № 66.
 21. Коммунист. 1920. 25 апреля, № 15.
 22. Коммунист. 1920. 29 июня, № 68.
 23. Коммунист. 1920. 3 июля, № 72.
 24. Коммунист. 1920. 3 июня, № 46.
 25. Коммунист. 1920. 6 июня, № 49.
 26. Коммунист. 1920. 7 июля, № 75.
 27. Коммунист. 1920. 8 июня, № 50.
 28. Коммунист. 1920. 9 июля, № 77.
 29. Листок приказов. 1920. 29 июня, № 14.
 30. Листок приказов. 1920. 30 апреля, № 4.
 31. НИОР РГБ, ф. 801, к. 1, ед. 2, л. 30.
 32. РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 2223, л. 3–4.
 33. РГАСПИ, ф. 589, оп. 1, д. 14274, т. 1, л. 44, 46.
 34. РГВА, ф. 193, оп. 2, д. 79, л. 5–6;
 35. РГВА, ф. 193, оп. 5, д. 23, л. 484, 488, 495;
 36. РГВА, ф. 193, оп. 5, д. 23, л. 579, 580 об., 581 об., 583.
 37. РГВА, ф. 193, оп. 5, д. 23, л. 6.
 38. РГВА, ф. 193, оп. 5, д. 23, л. 665.
 39. РГВА, ф. 193, оп. 5, д. 24, л. 150.
 40. РГВА, ф. 193, оп. 5, д. 24, л. 5.
 41. РГВА, ф. 193, оп. 5, д. 31, л. 14.
 42. Слезкин Ю. Литература в провинции // Вестник литературы. 1921. № 1 (25). С. 13–14.
 43. Слезкин Ю. Письмо из Владикавказа / публикация Ст. Никоненко // Дарьял. 2006. № 5. С. 202–203.
 44. Слезкин Ю. Л. Столовая гора: повесть о многих изгнанниках / предислов. и публ. Ст. Никоненко // Дарьял. 2005. № 3(–5).
 45. Файман Г. Лубянка и Михаил Булгаков // Русская мысль. 1995. 25–31 мая, 1–7 июня.
 46. ЦГАРСОА, фр. 36, оп. 1, д. 100 (72), л. 80; л. 91; л. 92.
 47. ЦГАРСОА, фр. 36, оп. 1, д. 76, л. 86.
 48. ЦГАРСОА, фр. 39, оп. 1, д. 7, л. 45 об., 46 об.
 49. ЦГАРСОА, фр. 49, оп. 1, д. 423, л. 81, 83.
 50. Шенталинский В. Донос на Сократа: документальные повести. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 622 с.
 51. Этингф Б. Е. Автобиография. РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 2223, л. 7–8.
 52. Этингф Н. Б. Отец — Борис Евгеньевич Этингф (1886–1958). Архив Е. Б. Этингфа.